

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'373;159.955

ТИПЫ МЫШЛЕНИЯ И ИХ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

О.В. Евтушенко

Московский государственный лингвистический университет
E-mail: ovae@list.ru

Статья посвящена проблеме построения типологии сознания и мышления по данным языка. Рассматриваются особенности синхронного и диахронного употребления слов *закон*, *конституция*, *право* в художественной и философской речи, а также приводятся экспериментальные данные, позволяющие выявить особенности преломления соответствующих знаний обыденным сознанием. Делается вывод о том, какие качества необходимы категориям, субкатегориям и гиперкатегориям для того, чтобы удовлетворять потребности определенных типов мышления.

Ключевые слова: тип мышления, художественная речь, философский дискурс, обыденное сознание, категория базового уровня, обобщающая категория, субмодель.

Types of Thought and Their Lexical Tools

O.V. Evtushenko

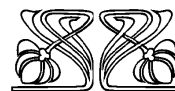
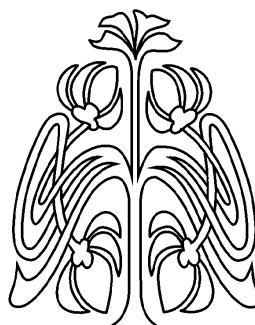
This article is dedicated to the development of typology of consciousness on the basis of the linguistic data. Examines the features of synchronic and diachronic usage of words «law», «constitution», «legal system» in literary and philosophical discourse, and also introduces the experimental data, which allow to reveal the peculiarities of the reflection of corresponding fields of knowledge by ordinary consciousness. The author draws a conclusion as to which qualities are necessary for categories, subcategories and hypercategories in order to meet the requirements of certain forms of thinking.

Key words: types of thought, literary discourse, philosophical discourse, everyday consciousness, category of the base level, generalizing category, submodel.

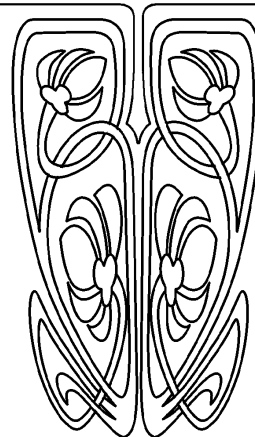
Когнитивно-дискурсивная парадигма, о которой Е.С. Кубрякова¹ заявила как о яркой примете лингвистической науки нового тысячелетия, предусматривает изучение разных типов мышления по их отражению в речи. На зависимость характера мышления от вида человеческой деятельности и на то, что эта связь отражается в языке, указывал еще А.А. Потебня². Впоследствии венгерский философ Д. Лукач³ дал тонкое, но не получившее заметного отклика у лингвистов разграничение «способов отражения мира», которое мы считаем необходимым рассмотреть с позиций современной когнитивной науки.

Д. Лукач намечает дифференциальные признаки основных форм познания – науки, искусства и обыденного мышления. Одной из отличительных особенностей научного мышления ученый называет стремление к предельно возможной объективации, или «дезантропоморфизму». «Научный тип отражения действительности, – пишет Д. Лукач, – связан с дезантропоморфизацией как объекта, так и субъекта познания... субъекта, поскольку он строил свое отношение к действительности так, чтобы непрерывно контролировать свои собственные наблюдения, представления, понятия везде, где только могут возникнуть антропоморфные искажения объективного восприятия действительности»⁴. Такой способ мышления стремится к созданию формальных структур, или «символических форм», как их называл Э. Кассирер⁵.

Значимым для характеристики эстетического отражения является, по Д. Лукачу, его способность фокусироваться на эмоциогенных сущ-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ностях. Эмоциональный отклик обеспечивается непосредственно-опосредованным характером отражения. Эстетическое мышление, как пишет Д. Лукач, «превращает последовательности мыслей в эвокативные цепочки эмоций и тем самым способствует поэтическому воплощению в языке напряженности между представлением и понятием»⁶. Вместе с тем искусство остается антропоморфистским типом отражения, и по этому признаку оно противопоставлено науке. Важной чертой эстетического мышления Д. Лукач называет особый характер обобщения. Если научное мышление стремится к созданию универсальных форм, к выведению всеобщих закономерностей, то эстетическое – направлено на частный предмет, на его возвышение до типического. Как поясняет ученый, «особенное является здесь – будучи серединой – исходной и конечной точкой» движения от всеобщего к единичному и обратно⁷.

К отличительным признакам обыденного мышления Д. Лукач относит инерционность, непосредственный характер отражения и расплывчатость его результатов. Инерционность, или стабильность, проявляется в устойчивости сформировавшихся структур знания, непосредственность – в слабо выраженной способности к абстрагированию, следствием чего является отсутствие «завершенных объективаций», или «формальных структур», какие создают наука и искусство, и это делает результаты отражения расплывчатыми. Как замечает Д. Лукач, расплывчатость и окостенелость – полярные тенденции, которые организуют обыденное мышление.

Работа Д. Лукача носит общетеоретический характер, гипотеза не подтверждена лингвистическим материалом, что мы и собираемся исправить. Кроме того, в ней не определено место философского мышления, которое Ж. Делез и Ф. Гваттари⁸ противопоставляют научному. Философское мышление, несмотря на претензию философии на роль царицы наук, остается антропоморфистским. Кроме того, оно направлено не только на действительность, но и на язык, поэтому вслед за Г. Гадамером можно утверждать, что существует «загадочная близость»⁹ между языком философии и поэзии.

Из того, что в число отличительных для типов мышления признаков входит характер обобщения, следует тривиальный вывод о том, что слова и отдельные лексико-семантические варианты, находящиеся в гипонимически-гиперонимических отношениях, будут в большей мере пригодны для одного типа мышления и в меньшей – для другого. Однако реальное распределение ролей в категориальной иерархии оказывается не столь тривиальным, и мы покажем это на примере лексической группы *закон, конституция, право*.

Слова *закон, конституция, право* занимают три ступени категориальной лестницы. *Закон* является хорошо структурированной категорией базового уровня¹⁰. Уровнем выше располагается *право*, более низкий подуровень занимают *конституция, указ, постановление, распоряжение*. Распределение лексико-семантических вариантов указанных слов, связанных гипонимически-гиперонимическими отношениями, в трех типах речи, по данным Национального корпуса русского языка¹¹, приведено в таблице.

Распределение рассматриваемых значений слов *закон, конституция, право* в художественной, философской и устной неподготовленной речи

Лексема \ Тип речи	Закон 2		Конституция 1		Право 1	
	на 1 млн слов	экспрессивные формы, %	на 1 млн слов	экспрессивные формы, %	на 1 млн слов	экспрессивные формы, %
Художественная речь	69	1,4	7	7,3	0,1	0
Устная неподготовленная речь	51	0	0	0	0	0
Философский дискурс	274	0,7	29	0	82	12

Низкая частотность слов *закон, конституция, право* в устной и художественной речи определяется их «дезантропоморфизмом», на который указывает достаточно регулярно противопоставление *закона* и *права* антропоморфистским категориям – *совести, морали, жалости*, например: – *Вы видите, – сказал доктор в заключение, – что от вас зависит, как поступить – «по закону» или «по человечеству»* (Грин. По закону)¹². Философское мышление проявило большую способность отвлекаться от человека. Предсказуемым оказалось и преобладание во всех типах речи над словами

конституция и *право* слова *закон* как имени категории базового уровня. Наиболее интересным является тот факт, что художественная речь безошибочно обнаружила и реализовала особый экспрессивный потенциал слова *конституция*, не востребованный другими типами речи.

«Переживаемость» понятия *конституция* можно объяснить его ролью субмодели – так Дж. Лакофф¹³ называет метонимические модели, которые задают когнитивные точки отсчета внутри категории, т.е. в категории *закон* выделяется субмодель *Основной Закон*. В отрыве от реального

воплощения, как идеализированная когнитивная модель сама по себе, субмодель проявила способность смешиваться с другим типом метонимических моделей – идеалом, или структурировать воображаемую действительность, придавая ей характер идеальной. На это указывают контексты употребления слова *конституция*. В художественной прозе XVIII – начала XX вв. оно нередко обозначает объект желаний, стремлений: – *Что выигрывает народ от буржуазной конституции, за которую вы боретесь?* (Степняк-Кравчинский. Андрей Кожухов); *Он не прочь получить небольшую конституцию или хотя бы маленький орден* (Горький. Мужик); – *Конституции желали, не правда ли? Все мы в молодости желали конституции. Не угодно ли?* (Сологуб. Мелкий бес). В толкование *конституции* включаются субъективные смыслы, такие как «инструмент организации идеальной жизни»: *Смысл каждой конституции таков: всякий в доме своем благополучно да поживает!* (Салтыков-Щедрин. История одного города). С реальной конституцией связывают чувство гордости, с воображаемой – восторга: *Они горды – и всего более гордятся своею конституциею* (Карамзин. Письма русского путешественника); *Веригины серые глаза засветились тихим восторгом. – Конституция без парламента!* – мечтательно сказал он (Сологуб. Мелкий бес). То, что эмоциональная окраска слова *конституция* связана не с его смысловым наполнением, а с условиями функционирования, в числе первых отметил А. Белый: *...Конституция представлялась не столько мне в определенных посредством понятий, сколь в выездах Муромцева, Ковалевского, Чупрова, Иванюкова во фраках...* (На рубеже двух столетий).

Конституция выступает не только в роли эталонной субмодели (ср.: *проверить закон на соответствие Конституции*). Это слово могло в определенных контекстуальных условиях приобретать сопоставительные свойства, определяющие весовой коэффициент значимости: *Но ведь я у него не конституции прошу, а покровительства Императорского музыкального общества для моей школы* (Горький. Жизнь Клима Самгина). Эталонность по нескольким основаниям повышает эмотивный потенциал слова.

Как любое нарушение эмоциональной нормы, к тому же лишённое рациональных оснований, связанная с *конституцией* экзальтация породила в третьей четверти XIX – начале XX вв. предсказуемую потребность противодействовать ей. На первом этапе, когда комическое переосмысление коллективного идеала еще не имело шансов на успех, внимание оказалось направленным на отрыв означающего от означаемого. Подчеркивалось, что чрезмерно позитивное отношение к слову *конституция* продиктовано модой на заимствования: *Спрашивал я у него мудреных слов для писательства! Сообщил мне, и даже сам собственноручно написал на бумажке. Совершенно*

согласен со мной, что писателем, не знавши мудреных слов, сделаться нельзя. Вот эти мудреные слова: жупел, прокламация, геенна, инициатива, алектор, нигилист, рипида, вампир, социализм, альфа и омега, конституция, астрология, анатомия, коммуна, инсургент... (Лейкин. Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова).

Основанием для объединения слов в приведенном перечислительном ряду служит только их семантическая непрозрачность для большинства носителей русского языка во второй половине XIX в. Полное несоответствие означаемого означаемому обыгрывается в продолжении приведенного отрывка: *Жена у него ведьма, то есть такая астрология, что беда! Напьются они за ужином этой самой коммуны (рюмок по десяти выпьют) и начнется у них прокламация – в кровь раздерутся. Сынишко тоже инсургент изрядный: подобрал к кассе ключ и каждый день запускает туда свою конституцию. Франков тысячи две выудил. Теща у него скотина и такая, можно сказать, инициатива, что чрез нее один приказчик с кругом стислся.*

Комический характер усиливается при смешении в перечислительном ряду заимствованных и исконных слов: *Регент, по прозванию Капелла (он же Редакция, Конституция и Мелочная лавочка), употреблял его как стенобитную машину, как хоровой таран* (Помяловский. Очерки бурсы).

Впоследствии слово все чаще попадает в контексты, разоблачающие подмену понятий, в том числе в высказывания снижающего иронического характера: – *Отчего это вам так вдруг науки захотелось? А может, хотите конституции? Или, может, севрюжины с хреном?* (Чехов. Володя большой и Володя маленький); *Ты тоскуешь потому, что твоя собственная жизнь тебя не ласкает, а вовсе не по конституции!* (Арцыбашев. Санин). Удаётся создать иконический образ обманчивых поверхностных связей, приводящих к ложным заключениям о сущности конституции: *А Конституция эта, сказывают, супругой приходится государю, то бишь цесаревичу Константину* (Садовский. В двадцать пятом году). Парономазия обнаруживает внешнее сходство при отсутствии какого бы то ни было смыслового соответствия.

В начале XX в. максимально раскрывается выразительный потенциал слова *конституция*. Заметно расширяется его сочетаемость: *Все эти люди желали встать над действительностью, почти все они были беспартийны, ибо опасались, что дисциплина партии и программы может пагубно отразиться на своеобразии их личной «духовной конституции»* (Горький. Жизнь Клима Самгина). Активно используется метонимический сдвиг с Основного Закона государства на действующую в отдельном учреждении систему требований, неукоснительно соблюдаемые правила, например: *По конституции салона, воду подогревала в таких случаях Жюльетт* (Алданов. Пещера). Здесь актуализируется смысл «госу-

дарство в государстве», благодаря чему аналогия становится двойной. Появляются метафорические контекстуальные значения, добавляются новые сочинительные связи, эмоционально-оценочное значение слова *конституция* позволяет ему участвовать в построении градации: *Пусть это будет наш брачный контракт, или, если хочешь, наша конституция, или еще: первая глава в катехизисе любви* (Куприн. Колесо времени).

Писатели обыгрывают сложившиеся ассоциативные связи слова, эксплицируя их с помощью омиоптота и рифмы: *Она все заботится о конституции, о революции* (Горький. Жизнь Клима Самгина), а также устанавливают новые: *Отцы их доказывали эволюцию по Спенсеру и конституцию по Ковалевскому* (Белый. На рубеже двух столетий). Концевое созвучие подобно паронимической аттракции: оно так же «рематично».

Некоторые высказывания о *конституции* оказывают столь сильное эмоциональное воздействие на реципиента, что прочно врезаются в память. Впоследствии они становятся основой для создания аллюзий. Так, например, цитированное выше ироническое высказывание А.П. Чехова, постепенно трансформируясь в новых контекстуальных условиях, способствует появлению новых сочинительных и подчинительных связей у рассматриваемого слова: – *Вы, Самгин, уверены, что вам хочется именно конституции, а не севрьюжины с хреном?* (Горький. Жизнь Клима Самгина); *В меню у них – гурьевская каша, белужий бок, конституция с хреном* (Зорин. Юпитер); *Как весь наш несчастный народ, который, как дитя малое, не знает, не понимает, что ему надо: соленых огурцов или конституции?* (Щербакова. Не бойтесь! Мария Гансовна уже скончалась). Нетрудно заметить, что выбранное А.П. Чеховым в качестве альтернативы блюдо так же, как и конституция, располагалось на высшем уровне ценностной шкалы. В тексте Г. Щербаковой, относящемся к началу XXI в., предлагается уже грубо бытовая альтернатива, но комический эффект от несоответствия аксиологических характеристик сопоставляемых реалий не усиливается, что говорит о преодолении осмысления *конституции* как идеала.

Анализ аллюзий показывает, что обычно запоминаются не целостные высказывания, а комбинации «выделяющихся» слов – мы называем их инструментами «точечной интенсификации». Помимо *конституции* и *севрьюжины* к ним относятся слова *тоска*, *наслаждение* и др. Интересно проследить, как М. Горький запоминает фрагмент модного в начале XX в. романа М.П. Арцыбашева «Санин», ср.: *Ведь не поверю же я, что тебя больше гложет тоска по конституции, чем по смыслу и интересу в собственной твоей жизни...* (Арцыбашев. Санин) и *Чем же и как поможет конституция смертной-то скуке твоей?* (Горький. Жизнь Клима Самгина). В подобных случаях нельзя говорить об интертекстуальных включени-

ях, поскольку нельзя быть уверенными, что такие заимствования вообще осознаются, можно только констатировать воспроизведение простых и комбинированных сочетаний эмоциогенных слов.

До 90-х годов XX в. слово *конституция* достаточно редко использовалось в художественных текстах в своем втором (или, по другим данным, омонимическом¹⁴) значении – «Строение, структура (спец.)»¹⁵. В Национальном корпусе русского языка за предшествующий период, начиная с XVIII в., отмечено всего 12 употреблений, из них 6 – в одном тексте. Тем более не приходится говорить об участии полисемии в создании стилистических приемов. Положение резко меняется после установления демократической власти: за пять лет, с 1995 по 2000 гг., зафиксировано столько же употреблений второго значения слова *конституция*, сколько за двести лет перед этим. Был освоен еще один источник экспрессии – каламбур: – *От конституции, сударик мой, зависит сие, и не только от сталинской, но и от собственной органомиической* (Лазарчук, Успенский. Посмотри в глаза чудовищ); *С годами жена приобрела весьма громоздкие габариты, которые уже не зависели от обилия или скудности ежедневной пищи, – собственная конституция есть высший закон не только для страны* (Чулаки. Новый аттракцион). Все это говорит о переходе *конституции* из разряда идеалов в разряд реалий окружающего человека мира, на котором, как известно, лежит печать антропоморфизма.

Изменение аксиологических характеристик слова подчеркивается его сочетаемостью. В конце XX – начале XXI вв. оно оказывается контекстуально связанным со словами, имеющими семантику деструктивности: *В руке держу несколько экзаменационных билетов по ботанике, конституции и взрывному делу* (Битов. Глухая улица). Рематический характер такому соединению придает рифма: *Готовясь к высочайшим смотрям, друг Свободы солдатам спуску не давал; полковником владела рифма: «эзекуция» и «конституция»* (Давыдов. Заговор, родивший мышь). Авторы уже не довольствуются комическим снижением, они методично закрепляют негативные ассоциации.

Функция средства «точечной интенсификации», присущая слову *конституция*, наиболее очевидным образом реализуется в восклицательных предложениях, где оно появляется достаточно регулярно. При этом эмоция, выражаемая восклицанием, к середине XX в. сменилась с положительной на отрицательную, с восторга на раздражение, ср.: *Смысл каждой конституции таков: всякий в дому своем благополучно да поживает!* (Салтыков-Щедрин. История одного города); – *Ура, Константин! – Ура, конституция! Сухозанет, багровый от гнева, поворачивает коня* (Тынянов. Кюхля); *Конституция! – раздавалось восторженно и тут и там* (Телешов. Начало конца) и *Чуть что – конституция. Налог перебрали – конституция! В районный центр понапрасну*

вызвали, от работы оторвали – конституция! (Шпанов. Ученик чародея).

Интересно проследить, как для поддержания аксиологических характеристик слова *конституция* использовалась заглавная буква. В XVIII и XIX вв., пока категория относилась к разряду идеалов, в заглавной букве не было необходимости. Как единичное явление она обнаружена нами у В.Я. Брюсова: *Статья сорок четвертая той же Конституции Императора Карла говорит прямо: «Иет, если кто прибегает к сомнительным вещам, действиям и поступкам, которые в себе заключают волшебство, и если это лицо в таком также обвиняется, этим дается явное указание на волшебство и достаточное основание для применения пытки»* (Огненный ангел). Использование заглавной буквы для выделения идеалов и символов было характерным для символистов графическим приемом, так что ее появление у В.Я. Брюсова закономерно. После принятия в 1936 г. сталинской Конституции выбор строчной или заглавной буквы стал определяться референтными свойствами слова: при конкретно-референтном употреблении слова *Конституция*, т.е. при указании на новый Основной Закон страны, использовалась заглавная буква, в чужой речи, в частности при актуализации означающего, а не означаемого – строчная, ср.: *Хотя бы вот в таком деле, как это, разве не долг Грачика искать пути к обеспечению гарантий, провозглашенных Конституцией, и для тысяч людей, оторванных от родины, для людей, ставших игрушкой враждебных сил? и ... Чуть что – конституция. Налог перебрали – конституция! В районный центр понапрасну вызвали, от работы оторвали – конституция!* (Шпанов. Ученик чародея). Выбор разного графического оформления показывает, что, получив реальное воплощение, категория перешла из разряда идеалов в разряд субмоделей, каковой она и является, но сохранение статуса идеала стало частью государственной идеологии. Неприятие подобного раздвоения сознания выражалось в последовательном использовании строчной буквы: *Мы обедали и слушали доклад Сталина о конституции* (Олеша. Книга прощания); *Здесь можно было творить что угодно, <...> ржать, когда упоминали о конституции («И ты еще, болван, веришь в нее!» Это действовало как удар в подбородок), – это все было вполне в правилах этого дома* (Домбровский. Факультет ненужных вещей). В 80-е годы XX в. заглавная буква начинает употребляться последовательно при указании на Основной Закон независимо от референциального статуса и аксиологических характеристик слова: *Соинин в это время подлещика подсек, повел его, сердечного, к берегу – милиция он на службе, а тут зять и рыбак и тоже, как и все советские люди и граждане, имеет право не только на труд, но и на отдых – по Конституции* (Астафьев. Печальный детектив). Несоответствие графического облика

слова *конституция* контекстуальному окружению, имеющему отчетливо бытовой характер, свидетельствует о выработавшемся автоматизме употребления в этом слове заглавной буквы. С 90-х годов XX в. слово стало мало употребляться в художественной речи конкретно-референтно, и как общее понятие, к тому же наделенное в некоторых контекстах отрицательными коннотациями, оно пишется теперь со строчной буквы.

Предпринятое нами исследование показывает, что объяснение изменений аксиологических характеристик слова *конституция* только социально-историческими причинами было бы непростительным невниманием к особенностям процесса познания. Смена позитивной редукции альтернативной в процессе познавательной деятельности имеет, по нашим наблюдениям, закономерный характер (она проявилась и в других исследованных нами концептах, в частности таких, как *любовь, радость, государство*). Позитивной редукцией концепта мы называем преувеличение доли положительных свойств воплощаемой в нем сущности на начальном этапе ее познания. Альтернативная редукция – это смещение внимания на отрицательные свойства реалии, влекущее за собой игнорирование ее достоинств. На примере использования заглавной буквы в слове *конституция* мы убедились, что попытки затормозить этот процесс или обернуть его вспять оканчиваются неудачей. Предположение о том, что должно последовать за альтернативной редукцией, можно сделать на основании полученных на другом материале знаний об эволюции концептов: обычно фокус внимания смещается на субкатегорию, на вышестоящую категорию или на смежное по тому или иному основанию понятие.

Конституция представляет собой прекрасный образец особенного, сочетая в себе единичность (на нее указывает заглавная буква) и всеобщность. Проявлением последней служит, например, способность предикативной части со словом *конституция* вступать в сопоставительную связь с предикативной частью с ремой *человечество*: *...Если говорить о человечестве, то что значат все наши усилия, конституции и революции* (Арцыбашев. Санин). Принадлежность к классу особенного – это как раз то свойство, на которое Д. Лукач указывал как на необходимое для объекта эстетического отражения.

Слово *закон* тоже оказалось способным к расширению сочетаемости, к персонификации и каламбуру. Вот несколько примеров: – *Но это закон природы!* – *пожал плечами Владимир Иванович <...> – И смертная казнь есть закон. А от кого исходит этот закон – все равно ... от природы или иной власти. И тем тяжелее, что со всякою иною властью бороться можно, а с природой и бороться нельзя* (Арцыбашев. Подпрапорщик Гололобов); *Чиновник суть законоед, он законы жрет. – Какие законы? – Законы? Это значит – обычаи <...>. – Живут люди, живут*

и согласятся: вот эдак – лучшие всего, это мы и возьмем себе за обычай, поставим правилом, законом! Примерно: ребятишки, собираясь играть, уговариваются, как игру вести, в каком порядке. Ну, вот уговор этот и есть закон! – А чиновники? – А чиновник озорнику подобен, придет и все законы порушит (Горький. Детство); Он создал – графически – формулу, чтоб доказать, что закон – для сохранения закона – надо обходить: он мелом рисовал круг на полу, замкнутый круг закона, и показывал опытно, что, если ходить по этой меловой черте, по закону, – подметки стирают мел, – и, чтоб цел остался мел, – закон, – надо его обходить (Пильняк. Третья столица). Однако, имея нечеткую аксиологическую характеристику, исторически сложившуюся под влиянием то противопоставления, то нейтрализации значений «закон божеский» и «закон человеческий», и не будучи эмоциогенным, слово закон почти не порождает восклицательных высказываний и совсем не порождает аллюзий. Если оно и входит в цитаты, то лишь в тематическую, а не в рематическую часть, как например: «Какой слог!.. Какая истина!.. Прочти эту повесть: она разогреет и твое холодное сердце... Законы осуждают Предмет моей любви; Но кто, о сердце! может Противиться тебе! О, как это справедливо! Милый Карамзин!» (Загоскин. Искуситель). Не случайно экспрессивные возможности слова закон мало используются художественной речью и почти не замечаются философским дискурсом. Последний ограничивается в основном различием заглавной и строчной буквы в его написании: *И тот еще идолопоклонник, кто не поклоняется Долгу, Закону, Правде и Порядку, а поклоняется золоту и почестям <...> из всех усилий общества один и тот же вывод: долг, закон, правда, порядок* (Хомяков. Несколько слов о «Философическом письме», напечатанном в 15 книжке «Телескопа»).

Слово *право* появляется в художественной речи уже в первой трети XIX в., но только в контексте указания на научный или философский дискурс как на сферу его функционирования: *А ныне у вас математики чистые, да прикладные, да живые языки, как вы их называете, да право римское, да то, другое, третье право... так что, право, от одного вычисления этих прав язык устанет* (Сомов. Сватовство); *Наука права рассматривает государство и власть, как древние рассматривали огонь, – как что-то абсолютно существующее* (Толстой. Война и мир); *Гегель в отношении права, нравственности и государства говорит, что истина этих предметов достаточно ясно высказана в положительных законах* (Писемский. Масоны). Контекстуальные корреляции этого слова имеют настолько общий, умозрительный характер (*предмет, практическое выражение абсолютной истины*), что оказываются семантически непрозрачными. Отношение носителей языка к понятию, не имеющему опоры на ментальный образ, или гештальт, передано с помо-

щью приведенного выше каламбура О.М. Сомова: скольжение смыслов в означаемом имитирует расплывчатость означаемого. Этим, собственно, и ограничивается эмоционально-экспрессивный потенциал слова *право*, что делает его малопривлекательным для художественной речи.

Другой особенностью этого слова, превращающей его в перспективное для философского дискурса и непригодное для художественной речи, является дезантропоморфное означаемое. Способность быть независимым от человека передается с помощью словосочетания *естественное право*. Американский когнитолог Р. Браун называл категории высокого уровня обобщения «продуктами воображения»¹⁶, человек не способен совершать сколько-нибудь разнообразные действия с обозначаемыми ими сущностями, что сильно ограничивает сочетаемость соответствующих слов. Так, редкий пример непосредственной связи – *изучать право* – относится больше к науке, чем к системе правил, поддерживаемых государством; в других сочетаниях отношения человека и права опосредуются: *применять нормы права*. Наконец, как философский концепт *право* хорошо структурировано, и его структура имеет логическую, т.е. рациональную, основу. Напротив, структура концептов, которыми оперирует обыденное и художественное мышление, имеет экспериенциальную основу: она формируется в зависимости от опыта взаимодействия человека с воплощаемыми в них сущностями, и этот опыт на разных этапах культурно-исторического развития общества неодинаков, что приводит к логическим несоответствиям в структуре концепта. Это подмечает Л.Н. Толстой: *В области науки права, составленной из рассуждений о том, как бы надо было устроить государство и власть, если бы можно было все это устроить, все это очень ясно, но в приложении к истории это определение власти требует разъяснений* (Война и мир).

Показательно, что высокий уровень обобщения не помешал философскому дискурсу открыть у слова *право* те же экспрессивные возможности, что отмечены нами для слова *конституция* в художественной речи. Приведем примеры использования заглавной буквы и расширения сочетаемости: *Можно сказать поэтому, что право есть постольку Право, поскольку в основе своей оно является либо законом, либо договором, соглашением* (Ключников. На великом историческом перепутье). Очевидно, что творческое преобразование затрагивает ту языковую единицу, которая оказывается доминантной для данного типа мышления.

Эксперимент показал, что для обыденного сознания *право* является размытым понятием. Давая определение сложному термину *правовое государство*, респонденты достаточно регулярно смешивали *право* и *гражданские права*, например: *Это такое государство, в котором существует гласный кодекс прав и обязанностей; Это госу-*

дарство, где соблюдаются и защищаются права граждан; Это такое государство, в котором все подчинено законам, конституции о правах. Отмечается однообразие формулировок, опора на клише. Все это подтверждает тезис Д. Лукача о размытости и инерционности обыденного мышления. В ассоциативном эксперименте *право* отмечено лишь раз. Среди ассоциатов *правового государства* предсказуемо регулярно встречался *закон*, а также *гражданские права*, *порядок*, *строгость*, *справедливость*, *страх* – все то, что доступно непосредственному наблюдению или вытекает из него. Приведенные выше примеры демонстрируют высокую степень антропоцентризма.

Проведенное исследование позволило получить объективное обоснование типологии мышления, которая была выстроена теорией познания, а также углубить представления об особенностях каждого из типов.

Примечания

¹ Кубрякова Е. Дискурс и когнитивная грамматика // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы международной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.) / сост. Н.К. Ониненко. М., 2003. С. 12–15.

- ² Потебня А. Мысль и язык. М., 2007. 256 с.
- ³ Лукач Д. Своеобразие эстетического: в 4 т. М., 1985–1987. Т. 1. 1985. 335 с.; Т. 2. 1986. 467 с.; Т. 3. 1986. 301 с.; Т. 4. 1987. 571 с.
- ⁴ Там же. Т. 1. С. 117–118.
- ⁵ Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. М.; СПб., 2001. Т. 1. 271 с.
- ⁶ Лукач Д. Указ. соч. Т. 2. 1986. С. 147.
- ⁷ Там же. С. 182.
- ⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер с фр. С.Н. Зенкина. М.; СПб., 1998. 288 с.
- ⁹ Гадамер Г. Философия и поэзия // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 116.
- ¹⁰ См.: Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М., 2004.
- ¹¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.08.10).
- ¹² Здесь и далее в тексте иллюстративный материал дается по Национальному корпусу русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.08.10).
- ¹³ Лакофф Дж. Указ. соч.
- ¹⁴ См., например: Словарь иностранных слов. 12-е изд. М., 1985.
- ¹⁵ Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2004. С. 291.
- ¹⁶ См. об этом: Лакофф Дж. Указ. соч. С. 31.

УДК 811.161.1'371

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕНСИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. Иванча

Саратовский государственный университет
E-mail: agi@inbox.ru

В статье анализируется роль категории «интенсивность» в лингвистике; рассматриваются семантические и словообразовательные особенности, а также сочетаемостные свойства интенсифицирующих прилагательных в русском языке.

Ключевые слова: категория «интенсивность», усиленные прилагательные.

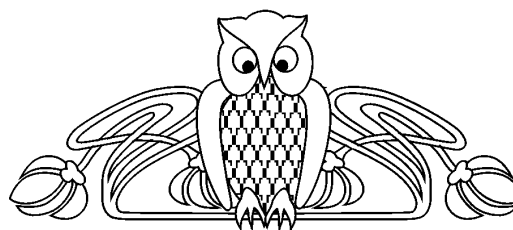
Intensifying Adjectives in the Russian Language

A.V. Ivancha

The role of the category «intensity» in linguistics is analyzed in the article; semantic, derivative and word formation characteristics of intensifying adjectives in the Russian language are described.

Key words: category «intensity», intensifying adjectives.

Интенсивность является функционально-семантической категорией, поскольку «выражает значение высокого уровня обобщенности, характеризуется разноразмерностью средств выражения и полевой организацией этих средств»¹.

В естественных языках, в том числе и в русском, существует множество способов интенсификации. Один из наиболее значимых – лексический. Особая роль среди лексических усилителей принадлежит именам прилагательным. Доминирующее положение имен прилагательных (по преимуществу качественных) в структуре функционально-семантического поля (ФСП) интенсивности, по словам О.А. Усачевой, «связано с тем, что градуальная семантика качественных прилагательных является характерным их признаком»².

Несмотря на давний и устойчивый интерес исследователей к семантическим, функциональным и структурным особенностям средств интенсификации, до сих пор отсутствует единая точка зрения на сущность категории «интенсивность».

Дискуссионными остаются вопросы о границах рассматриваемой категории, о характере семантики интенсивности.

Одни исследователи трактуют интенсивность как особый вид количественной характеристики